

УДК 340.12(470)

**Борис Владимирович
Емельянов**

доктор философских наук,
профессор,
почетный профессор
Института философии
и права Уральского
отделения Российской
академии наук
г. Екатеринбург
(343) 350-59-20
emeljan@r66.ru

**Андрей Александрович
Лицук**

кандидат философских
наук, доцент
Нижевартовского
государственного
гуманитарного
университета
г. Нижневартовск

**Василий Матвеевич
Русаков**

доктор философских
наук, заведующий
кафедрой философии
Института международных
связей
г. Екатеринбург
8(343) 371-09-47
dipi@nm.ru

**РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА:
СТАНОВЛЕНИЕ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, ОСОБЕННОСТИ**

В статье описываются этапы развития русской философии права, разграничиваются понятия: русская философия права и философия права в России. Авторы показывают их значение для формирования правовой культуры русского общества.

История философии, история отечественной общественной мысли, русская философия, философия права, правовая культура, правовой нигилизм, право и мораль.

Современная Россия представляет собой стремительно развивающееся государство, в котором продолжают активно протекать процессы реформирования политической, правовой и социальной сфер. Эти процессы так или иначе затрагивают жизнь каждого из россиян, поскольку именно они в итоге являются решающими в формировании правового статуса человека и гражданина, определении пределов прав, свобод и обязанностей. В действующей Конституции наше государство заявило о себе как о правовом, однако это скорее та цель, к которой стремится Россия, нежели констатация состояния дел. Реальное достижение данной цели во многом связано с адекватным пониманием того, что есть право само по себе, какова его природа, как сформировать соответствующие общечеловеческим ценностям правовое сознание и правовую культуру, как действительно построить гражданское общество и правовое государство.

В решении поставленных задач существенную помощь может оказать обращение к отечественным политическим и философско-правовым концепциям русских мыслителей XIX – начала XX в., гносеологический, методологический и аксеологический потенциал которых еще далеко не исчерпан. Такое обращение приобретает особую актуальность, если учесть, что современная ситуация во многом аналогична тому состоянию кризиса правосознания, традиционной российской государственности и политической культуры конца XIX – начала XX в., когда надежды мыслителей эпохи Нового времени построить на земле совершенное «государство разума», воплощающего в себе великие принципы свободы, равенства и братства, сменились пониманием невозможности их реализации. По этому поводу отечественный мыслитель П.И. Новгородцев уже в 1909 г. в своей работе «Кризис современного правосознания» отмечал, что общее значение происходящего кризиса можно выразить в форме крушения идеи земного рая. Человечество не только возвращалось к пониманию рая «неземного», но и освобождалось от утопической веры в возможность идеального сочетания свободы и равенства в рамках государства. Действительно, читая эти строки, нельзя не вспомнить слова из Книги Экклесиаста: «Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это новое; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Эккл. 1, 10).

Сегодня особого внимания заслуживают по крайней мере два вопроса: 1) что есть право вообще как таковое (или это совокупность формально-логических конструкций, источниками которых являются власть и сила государства, первичных по отношению к морали и регулирующих поведение человека в четко отграниченном правовом поле, или право имеет объективные и независимые от официально-властного усмотрения и произвола природу и смысл), 2) каким должно быть отечественное право исходя из национально-правовой самобытности и правосознания русского народа, его религиозно-нравственных и метафизических оснований. Эти и другие подобные вопросы входят прежде всего в проблемное поле *русской философии права*, которая является одним из ведущих направлений отечественной общественной мысли. Именно философия права занимается исследованием смысла права, его сущности и понимания, оснований и места в мире, ценности и значимости, роли в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества.

Возникая на пересечении наук, философия права является одновременно и философией, и юриспруденцией, что порождает многочисленные споры вокруг определения предмета и статуса этой дисциплины. Существует целый ряд вариантов решения данных вопросов, описание которых, однако, не входит в перечень задач, стоящих перед нами. Ограничимся лишь тем, что приведем точку зре-

ния, наиболее созвучную нашей, которую сформулировал известный отечественный мыслитель Г.Ф. Шершеневич. Он считал, что «философия является венцом и в то же время основой всех наук»; она соединяет все выводы, подносимые ей науками, в одно стройное целое и наследует положения, лежащие в их основе [18]. Что касается философии права, то она, «составляя часть философии вообще, не должна отличаться от целого ни по своим задачам, ни по своим методам. Отличие не качественное, не количественное: среди юридических наук философия права призвана играть в миниатюре ту же роль, какая выпала на долю философии в отношении всего человеческого знания» [18, с. 8].

Философско-правовая мысль должна избегать двух крайностей: с одной стороны, преследовать только задачу априорного построения идеального правового порядка (что в большей степени свойственно, по Шершеневичу, естественно-правовой школе), с другой – сводить философию права исключительно к правовым реалиям жизни (то есть отождествлять ее с положительным правом). Призванная решать как теоретические, так и практические задачи, философия права «должна исследовать все те понятия, которые лежат в основании отдельных юридических наук, и вырабатывать при помощи этих понятий и на почве исторического опыта общий идеал правового порядка». А поскольку это философская наука, то ее отношение к философии есть «прежде всего отношение части к целому, от которого она не может отличаться по существу. Проблемы философии права для своего внесения требуют твердой теоретической почвы, которую может дать только философия... Философия является в данном случае посредницей. Это как мост, перекинутый от философии к правоведению, по которому проводится отчасти обработанный юридический материал для того, чтобы потом вернуть его с той стороны вполне обработанным при помощи таких орудий, которыми правоведение не располагает» [18, с. 18-19].

Будучи сосредоточенной на проблемах государственной и правовой жизни, философия права накапливает свой комплекс знаний в течение долгого времени под прессом экономических, политических, культурных детерминант той или иной страны, что позволяет обнаружить в этой науке не только общенаучные, общефилософские мировоззренческие характеристики, но и национальные особенности, порожденные культурно-исторической средой. Как справедливо отмечает О.Д. Мачкарина, национальное качество является важнейшей формой духовной культуры. Национальное не есть нечто сугубо временное, маловажное, некая историческая случайность, которая будет снята историческим развитием. Только через национальное многоцветье общечеловеческая культура становится тем, что она есть. Национальное – это внутренняя, фундаментальная характеристика культуры, ее конкретно-историческая определенность [13, с. 415]. В

этом смысле мы можем говорить и о философии права отдельного народа, в том числе о русской философии права.

Изначально возникнув в лоне нерасчлененного знания, философско-правовая теория прошла те же исторические этапы, что и русская философия в целом, впитав в себя экономические (широкое развитие общинной собственности), политические (абсолютизм власти, доминирование государства над иными социальными институтами), социальные (отсутствие рабства как социального института) и духовные (язычество, веротерпимость и др.) особенности, усугубленные постоянными внешними угрозами и внутренними междоусобицами [8, с. 54].

Пытаясь определить национальные особенности русской философии права, мы неизбежно приходим к выводу, что становление ее теоретического уровня во многом определялось отношением к западной классической философско-правовой традиции, в особенности к поднятым в ней проблемам свободы и ответственности личности, отношения права и нравственности, нравственно-правового идеала [1]. Такая ситуация объясняется тем, что любая культура немислима как без своеобразного и неповторимого пути развития данного народа, так и без заимствования из других культур. Этот процесс не прекращается, какого бы высокого уровня не достигла национальная культура, так как, впитывая достижения других народов, она в то же время развивает и свои самобытные начала. Как отмечал Н.А. Бердяев, есть только один исторический путь к достижению высшей человечности – путь национального роста и развития, национального творчества: «Все великие национальные культуры – всечеловечны по своему значению» [4, с. 96]. По этому же поводу М.М. Бахтин писал, что чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур [2, с. 334-335]. Важно отметить, что восприятие идей западной философии и культуры начиная с XVIII в. носило национально-своеобразный специфический характер, вытекающий из особенностей культурно-исторического развития России XVIII в. и последующих веков.

Действительно, можно с уверенностью говорить о том, что обращение отечественных мыслителей к западноевропейским философско-правовым теориям не было простым заимствованием, лишившим оригинальности и самостоятельного значения русскую философию права. Несмотря на то, что для отечественной философии права XVIII в. носил во многом характер ученичества, русские мыслители быстро преодолели этот отрыв и сумели построить свои оригинальные концепции. Как отмечал Н.М. Коркунов, «наше отношение к западной науке можно сравнить с отношением глоссаторов к рим-

ской юриспруденции. И нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы, и нам прежде всего надо было подняться до уровня иноземной науки... Тем не менее, в каких-нибудь полтора-два столетия мы почти успели наверстать отделившую нас от западных юристов разницу в шесть с лишком столетий» [10, с. 233].

В процессе взаимодействия отечественной и западноевропейской философии особое значение имели философские контакты с Германией конца XVIII – начала XIX в., наука которой во всех ее областях считалась в России наиболее полным выражением сущности западноевропейской культуры. Немецкие классические системы послужили для русских мыслителей не только своеобразной философской пропедевтикой, но и отправным пунктом в разработке широкого спектра научно-философских тенденций, которые впоследствии трансформировались в самостоятельные отечественные школы. Такой диалог оказал влияние на развитие практически всех направлений русской философии (историософии, философии культуры, философии религии и т.д.). Серьезное воздействие было оказано и на русскую философию права. Можно сказать, что отечественная философско-правовая мысль, самостоятельно искавшая решение проблем свободы и ответственности личности, отношения права и нравственности, нравственно-правового идеала, построения более совершенного общества и государства, духовного освобождения личности, во многом восприняла идеи немецкой философии как своеобразную опору, некую точку отсчета в становлении новой системы ценностей.

Установление тесных контактов именно с Германией не было случайным. Можно привести несколько аргументов, позволяющих объяснить феномен взаимодействия между немецкой и русской философией вообще и философией права в частности. При этом причины такого взаимодействия носят как внешний – событийный, так и внутренний – сущностный характер.

Во-первых, именно в немецкой классической философии теоретические проблемы в сфере исследований всеобщих основ прав были подняты на качественно новый, более высокий уровень, приобрели иное звучание. Кроме того, анализ путей решения этих проблем получил действительно глубокую методологическую проработку.

Во-вторых, для русской философии права, в которой всегда преобладало стремление к цельности знания, к сочетанию чувственного, социально-правового и религиозно-нравственного опыта, особенно были близки и понятны этически и религиозно окрашенные философско-правовые изыскания именно немецких мыслителей. Те выводы, к которым приходили И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг и Г.В.Ф. Гегель, отвечали высокому гуманистическому потенциалу русской философии права, в центре воззрений которой стоит человек, проблемы бытия и вопросы смысла и цели исторического пути.

В этом смысле немецкая классическая философия права во многом расходилась с новоевропейскими трактовками природы права, основания которого виделись лишь в «естественном законе», по способу своего бытия принципиально не отличающегося от законов природы, могущего быть постигнутым и выраженным с помощью традиционных средств теоретического познания. Немецкие же мыслители четко различали сферу законов природы и сферу законов свободы, относя последние к сфере явлений, имеющих духовную природу. По этому поводу видный русский мыслитель, один из основных представителей философии русского зарубежья И.А. Ильин отмечал, что в свое время идеи французских энциклопедистов закрепили безбожие и материализм. Французская революция практически реализовала эти идеи, а Наполеон разнес их по всей Европе. Что касается немецкой классической философии, то она, по мнению И.А. Ильина, пытается противостоять этим идеям и найти «философский путь к Богу», что так отвечает интенциям русской философской мысли.

В-третьих, отечественная философия всегда была нацелена на решение кардинальных проблем национального развития, и в первую очередь – проблемы самобытности. Подобная проблематика интересовала и немецкую философию, яркие представители которой несколько раньше в своих учениях сумели свести все многообразие идей, теорий, концепций в одну ведущую доктрину – немецкую национальную идею.

В-четвертых, как отмечают некоторые мыслители, русские и немцы являются «метафизическими народами», то есть играющими особую роль в мировой истории, что нашло свое отражение в русских и немецких историософских концепциях. Ни во французской, ни в итальянской, ни в английской философии не возникает вопроса об особой роли соответствующего народа в историческом процессе. Между тем стремление осмыслить особую роль Германии можно обнаружить прежде всего в системах Фихте и Гегеля; особую роль России – в учениях ранних славянофилов, Данилевского и Достоевского. В этих тенденциях проявилась общая направленность немецкой и русской культуры – стремление осмыслить мировые вопросы, соотнести собственное национальное развитие с ходом мировой истории, с ее крупнейшими событиями, такими как Просвещение, Французская революция XVIII в. и др. [13, с. 419].

В-пятых, и в Германии, и в России в силу различных причин с большим историческим опозданием происходило усвоение результатов и самого духа обновления, который охватил Европу после эпохи Возрождения. Промышленное развитие, централизация страны, утвердившись в Германии и России значительно позже, чем в большинстве стран Западной Европы, встречали сопротивление консервативных сил [13, с. 419].

Активное взаимодействие русской и западноевропейской (прежде всего немецкой) философско-правовой мысли делает актуальным вопрос: в какой мере отечественная философия права была результатом усвоения интеллектуального опыта Запада, а в какой развивалась на своей собственной национально-культурной основе. Уже при первом приближении к этой исследовательской проблеме мы сталкиваемся с целым рядом различных вопросов: когда возникла, как развивалась, кем была представлена русская философия права. Одним из подобных вопросов является и вопрос о соотношении двух понятий: «философия права в России» и «русская философия права».

По нашему мнению, к понятию «философия права в России» относится весь объем проблем этой науки, решаемый в российском интеллектуальном поле. Поэтому здесь возможно изучение не только русской философии права, но и компаративистские исследования ее диалога с иными зарубежными течениями в области философии права. Сюда же относится изучение влияния философии права отдельных зарубежных школ, течений, взглядов ученых на проблемы философии права в России, а также институирование этой юридической и одновременно философской дисциплины в качестве учебной (история преподавания в учебных заведениях России, создание учебников по этому курсу и пр.).

«Русская философия права» имеет меньший содержательный объем чем «философия права в России». Это понятие подразумевает лишь труды русских (отечественных) юристов, разрабатывавших проблемы философии права. Для русской философии права актуальным является прежде всего проблемное изучение ее истории, то есть в круг исследовательских задач включаются проблемы, интересующие русскую философию права, а также ее категориальное поле. Именно здесь выявляются национальные особенности русской философии права [6, с. 15-17].

В развитии философии права в России условно можно выделить три основных этапа: Средневековье (XI–XVII вв.), эпоха Просвещения (XVIII столетие) и период XIX – начала XX в. [15; 5, с. 2]. В Средневековье философия права определялась православным мировоззрением и принимала форму поучений, посланий и молитв князей, церковных деятелей и образованных людей своего времени. Так, первые оформленные философско-правовые идеи можно обнаружить в таких памятниках, как «Слово о законе и благодати» Илариона (сер. XI в.), «Повесть временных лет» (XII в.) в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, «Поучения» князя Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве» (XII в.), «Моление Даниила Заточника» (XII–XIII вв.). В них затрагивались вопросы происхождения русского государства, законности власти, возможных форм государственного правления и отношения к подвластным. Главный древнерусский источник светского права – «Русская правда» (XI–XIII вв.). Уже в этих

летописных памятниках поднимаются темы нравственно-религиозного понимания сущности княжеской власти, соотношения «закона и благодати», вольности и долга, справедливости и правды. Примечательно, что этическое измерение права сохранилось как доминирующая черта философии права в России на века вперед.

И все-таки средневековый период дает лишь разрозненные сведения, составляющие представление о формировании философско-правовых идей. Это скорее предыстория философии права на Руси. Профессиональная же разработка проблем данного поля относится к XVIII в., когда петровские реформы, секуляризация общества привели к тому, что философия приобрела вид систематических научных и религиозно-философских работ, исследующих право в его отношении к государству, экономике и нравственно-религиозной жизни. В эпоху Просвещения в России стали известны идеи таких мыслителей как Пуффендорф, Гельвеций, Монтескье и др. В это время оформляется отечественная школа естественного права, в распространении которой значительную роль сыграли Ф. Прокопович, В.Н. Татищев, С.Е. Десницкий, Я.П. Козельский, В.Т. Золотницкий и другие русские просветители.

Во второй половине XVIII в. как результат адаптации идей естественного права и общественного договора к политике просвещенного абсолютизма выступают теории консервативно-аристократического и либерального дворянства. В центре внимания просветителей оказываются идеи ограничения самодержавия, утверждения прав человека, демократизации [7, с. 16, 17]. Сохраняя свое влияние на протяжении всего XIX в., естественно-правовая школа в начале XX в. трансформируется в «возрожденное» естественное право, идеи которого разделяли П.И. Новгородцев, Б.Н. Чичерин, И.В. Михайловский, Н.А. Бердяев и др. Несмотря на различия в своих взглядах эти мыслители сходились в требовании априорности в построении идеального правопорядка.

Отличительной особенностью русских правовых концепций эпохи Просвещения было обращение к нравственно-религиозной аргументации при формулировании правовых положений и широкое (на основе истории, философии, логики) рассмотрение юридических проблем. Так, например, по мнению С.Е. Десницкого, юриспруденцию необходимо рассматривать порядком историческим, метафизическим и политическим, сносая притом законы российские с натуральным о них рассуждением.

В начале XIX в. после победы России в Отечественной войне 1812 г. в стране с новой силой пробуждается национальная самосознание. Остро обсуждаются вопросы обновления государственной машины, необходимости отмены крепостного права, создания общества, при котором было бы обеспечено единство личных прав и обязанностей с коллективными и государственными интересами. В это время свои

концепции предлагают мыслители разных политических ориентаций. Так, представитель либерально-консервативной линии М.М. Сперанский стремится соединить традиции западных демократических институтов с практикой российского абсолютизма. В его философии права нравственно-религиозное и политико-правовое начала синтезировались в мировоззрении социального христианства. По мнению русского мыслителя, несовершенства в обществе, несправедливость и неэффективность государственного механизма могут быть исправлены с помощью разумного и нравственного законодательства и просвещения народа и власти. Суд совести и чести составляет естественный и всеобщий закон в общении человека с другими людьми и с Богом, а нравственный порядок составляет основу порядка государственного. М.М. Сперанский сформулировал принципы «истинной монархии» – такой формы правления, где созданы условия для обеспечения порядка в обществе и осуществлены гражданские права при неукоснительном соблюдении законов.

Идеи политико-правового радикализма развивают декабристы. Под влиянием конституций буржуазных революций Нового времени П.И. Пестель в своей «Русской правде» декларирует такие классические западноевропейские этико-правовые ценности как суверенность народа, верховенство права, разделение властей, права и свободы граждан и т.д. В то же время сторонник республиканской формы правления Н.М. Муравьев допускает введение в России конституционной монархии.

Вторая четверть XIX в. ознаменована дискуссиями о пути России и степени усвоения западного культурного опыта, поисками Русской идеи. Состояние российского права и правовой культуры того времени свидетельствовало о явном отставании России от Запада, однако пути преодоления этой отсталости виделись разным. Если западники были твердо убеждены в необходимости перенесения европейского опыта на русскую почву, то славянофилы считали, что единственным путем к гармонизации силового государственного начала с отечественным соборным мировосприятием и построению правового государства является «естественное вращение государства в систему общинных отношений».

В это же время русская философия права пополнилась идеями радикальных демократов (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, М.А. Антонович), стремившихся объединить социалистические идеи с буржуазной правовой нормативностью, а также правовой идеологией революционного народничества 70–80-х гг. XIX в. (М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев), в которых уже преобладали теории революционного насилия и правовой нигилизм. К этим же направлениям близка по своей мировоззренческой основе и русская разновидность марксистской теории государства и права (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий).

Серьезное влияние на отечественную философско-правовую мысль оказала гегелевская философия права. У ее истоков в России стоял автор «Энциклопедии законоведения» (1839) К.А. Неволин. Его понимание закона как правды во многом согласовывалось с идеями философии права Гегеля. Последователями этого направления позже стали П.Г. Редкин, И. Максимович, А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев.

В период с последней трети XIX – начала XX в. философия права в России испытала воздействие позитивистских идей. В отличие от философии естественного права позитивисты понимали право как совокупность общеобязательных норм, выражающих требования государства и обеспеченных его возможностями к принуждению. Считая философию права частью философии, отечественные сторонники правового позитивизма (Г.Ф. Шершеневич, В.Д. Катков и др.) ставили перед ней двойную задачу: теоретическую, входившую в поле общей теории права, критически изучающую главные юридические понятия (право, государство, преступления, наказания и т.п.), и практическую, которую решает политика права, вырабатывающая идеал правового порядка посредством соединения в одно целое рекомендаций отраслевых юридических наук. Таким образом, философия права в их представлении имеет три следующие основные части: общая теория права, история философии права и политика права [6, с. 18].

В рамках широкого позитивистского направления развивается социологическая школа (Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев), исследующая пути и способы воплощения догмы права в обществе, а также психологическое направление русской философии права (Л.И. Петражицкий), представляющая право как экстраполяцию психологического фактора, функцию человеческой психики.

В этот же период важными вехами в развитии русской философии права стали взгляды на право, государство, их отношение к нравственности в религиозно-философских течениях русской мысли второй половины XIX – начала XX в., особенно во взглядах В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева.

Как отмечает А.К. Корольков, русская философия подарила миру много загадок, и одной из таких загадок является склонность именно юристов к прояснению тайн русской души, к философичности. Многие русские мыслители по своему университетскому образованию были юристами (Н.А. Бердяев, П.И. Новгородцев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин и др.), но и независимо от этого часто один и тот же русский автор одинаково заинтересованно писал и о правовых, и о нравственных, и о политических, и о педагогических, и о религиозных вопросах [11, с. 3]. Истоки такого стремления анализировать вопросы правовой защищенности человека, ограничения власти государства, функционирования демократических институ-

тов с позиций философского мировоззрения определяются национальными особенностями отечественной философии права, которые, в свою очередь, сформировались под влиянием исторического пути России и ментальности русского народа.

Среди концептуальных идей русской философии права особое место занимает положение о *взаимопереплетении и взаимодополнении морали и права, единстве нравственных и правовых норм*. Очень многим отечественным мыслителям свойственно стремление придать праву черты нравственности. Такая ситуация во многом проистекает из сочетания принципов христианской этики с традициями российского национального сознания и нормами обычного права. Традиция искать бытийственные начала права в сфере христианства восходит еще к сочинениям упоминаемого выше митрополита киевского Илариона, который в «Слове о законе и благодати» различает благодать и закон. Благодать исходит из христианских заветов, она универсальна, содержательна и направлена к душе человека. Закон – национален, формален и носит внешний характер. Вместе с тем закон является, согласно митрополиту, необходимым путем к постижению благодати. Специфика благодати в том, что она строится на правде-справедливости в отличие от закона, который применяется формально. Из данной нравственной и правовой парадигмы в последующем исходят многие философско-правовые сочинения в России, противопоставляющие благодатное право несправедливому праву, неправедному закону. Можно полагать, что в этой оппозиции права (правды) закону создавалась и специфика правовой культуры России, тесно соединенной с моралью и религией [15, с. 48-49].

Необходимо отметить, что сосредоточенность на нравственно-правовых принципах в русской философии права проявлялась не только на религиозной, но и на рациональной почве, что отражало социальный универсализм отечественной духовной культуры. Так, вопросами соотношения морали и права занимались такие мыслители нерелигиозного толка как Г.Ф. Шершеневич, Л.И. Петражицкий, Б.Н. Чичерин и др.

Нередко как на особенность русского правосознания, оказавшую серьезное влияние на отечественную философско-правовую мысль, указывают на так называемый *«антилегализм» русского народа, «неприятие» им права*. Особое звучание этот мотив приобрел в философии славянофилов, которые, стремясь выявить православные основания свободы, настаивают на том, что свобода и закон находятся в антагонистических отношениях и существуют в особых сферах. По их мнению, закон существует в праве, отражая внешнюю жизнь человека и общества, в то время как свобода реализуется по преимуществу не во внешней, а во внутренней нравственной жизни индивида. Показательны в этой связи слова А.С. Хомякова о науке права, которая «получает некоторое разумное значение

только в смысле науки о самопризнанных пределах силы человеческой, то есть о нравственных обязанностях» [17, с. 92]. А.С. Хомяков и его единомышленники усматривали в правовых нормах попытку пагубной рационализации общественной жизни, характерную для католического (а затем протестантского) Запада и восходящую к языческому наследию древнего Рима; право как таковое было в их глазах «внешней правдой», заменяющей человеческую совесть полицейским надзором [5, с. 25]. Сами же славянофилы стремились создать на основе философии соборности и Русской идеи философию права, которая синтезировала бы принципы обычного права (формируемого в контексте социальной жизни общины), слитого с нравственностью.

Тема неприятия права звучала также в идеях народников и анархистов, считающих, что в патриархальном крестьянстве, в котором воплощен дух истинной, братской общности, можно обойтись без писаных законов и не допустить развития индивидуализма. Они стремились доказать, что гражданские права и политические свободы лишь маскируют капиталистическую эксплуатацию, считали, что развитие капитализма и присущее ему все большее «оправдание» общественных отношений является специфическим свойством Запада, привнесенным в Россию и для нее чуждым.

Герцен видел в неуважении к праву историческое преимущество русского народа – свидетельство его внутренней свободы и способности построить новый мир. Достоевский приравнивал права личности к правам эгоистических индивидов, отделенных друг от друга юридическими барьерами и не знающих никакой нравственной связи. Юристы, особенно адвокаты, были в его глазах «современными софистами», цинично манипулирующими истиной из корыстных побуждений. Народники отрицали конституцию и политические свободы как орудие буржуазной эксплуатации народа. Русские анархисты, Бакунин и Кропоткин, считали право, наряду с государством, инструментом прямого насилия и т.д. Крайним проявлением этого моралистического антилегализма был правовой нигилизм Льва Толстого [5, с. 25-26].

Истоки такого неприятия права отечественные мыслители искали в идеях русского православия и представлениях об историческом предназначении России. Западноевропейские народы сформировали со временем своеобразный культ права, чему немало способствовали протестантская и католическая ветви христианства. В философско-правовой мысли Запада это культ был выражен и закреплен в теориях юридического позитивизма. В православном же правосознании акцент делается не на установлении норм и запретов, а на перспективах духовного совершенствования личности. Для православной христианской философии свойственно стремление к нравственному совершенствованию личности путем установления

этических норм, а также к формированию мировоззрения, определяющего пути дальнейшего развития личности на основе сопоставления идеала и реальности. Таким образом, русская философия права, ставя во главу угла проблему соотношения права и нравственности, видит в последней источник духовного обновления человека и общества, возможность созидания нового образа жизни.

Кроме того, причины «антилегаллизма» следует искать и в самом менталитете русского народа. В силу своего географического положения между Востоком и Западом Россия вобрала в себя противоположные, взаимоотталкивающие культурно-социальные традиции буржуазно-техногенного, логико-сциентистского образа жизни, с одной стороны, и общинно-природного, интуитивно-религиозного – с другой. Не удивительно в этой связи крайняя противоречивость национального характера русского народа. «Нужно помнить, что природа русского человека очень поляризованная, – писал Н.А. Бердяев, – с одной стороны – смирение, отрешение; с другой стороны – бунт, вызванный жалостью и требующий справедливости. С одной стороны – сострадательность, жалостливость; с другой – возможность жестокости; с одной стороны – любовь к свободе; с другой – склонность к рабству» [3, с. 153-154]. Эти черты национального характера и вылились в русской философии права в проблему противопоставления естественного права праву положительному, или, в другом варианте, закона в его социально-политических характеристиках как выражения государственной силы и закона в его нравственных, культурно-исторических характеристиках как выражения справедливости. Тема антилегаллизма поднималась многими отечественными философами, которые стремились разобраться в этом феномене и снять с русского народа во многом несправедливые обвинения [9].

Отечественные мыслители, размышляя о соотношении русского и европейского права, отмечали крайнюю формализованность и выхолощенность последнего. Так, П.И. Новгородцев в статье «О своеобразных элементах русской философии права», исходя из анализа аксиологических оснований российского правосознания, указал на «метафизическое лицемерие» упорядоченного, размеренного образа жизни европейцев, сравнивая его с непрактичностью и духовностью русского человека, склонного к судорожным колебаниям, отличающимся «вечной страстностью и неудовлетворенностью своего стремления». Русские философы стремились найти альтернативу «мертвому» европейскому праву и отыскать неразложимую основу «живого» права, как например это делает в своей религиозной онтологии права С.Л. Франк, выводя принцип служения абсолютному добру и наделяя право чертами святости и истины, абсолютной правды. Такие поиски, несомненно, уведут мыслителей в сторону от разработки научной философии права, однако, по замечанию И.Д. Осипова, они во многом совпадают с национальной интенцией русской фило-

софии права и способствуют развитию оригинальной модели правовой культуры.

Наряду с вышеуказанными особенностями отечественной философии права, можно выделить также ряд черт, свойственных русской философии в целом, но проявившихся особенно ярко именно в философско-правовом контексте. Так, например, через постановку и решение философско-правовых проблем с новой силой проявилась такая особенность русской философии как стремление к актуализации социальных проблем в качестве важнейших. Причем здесь еще раз мы видим подтверждение тому, что русская философия есть философия практическая, направленная на преобразование мира.

Другой особенностью является обращенность к человеку. Показателем антропологической ориентированности русской философии права является постоянное обращение отечественных мыслителей к следующим вопросам: что есть средство, а что цель – человек или государство, какие философские основы, ценности действительно отвечают насущным нуждам людей (являются общечеловеческими), а какие связаны с социально-политической, экономической и административной конъюнктурой правового порядка, чего стоит целостность и социально-политический престиж государства, если единоплеменные его граждан сохраняется ценой их жизни, величие для человека или человек для величия и др. [17, с. 133].

Русская философия права представляет собой важную и в то же время малоизученную часть отечественной философии. Как и во всей русской философии, в ней преобладало стремление к цельности знания, большое значение придавалось интеллектуальной интуиции, нравственному, социально-правовому опыту личности. Особая роль в ней отводилась религиозно-нравственному опыту народа, благодаря чему мировоззрение приобретает окончательную завершенность, «раскрывая сокровеннейший смысл вселенского существования» [12, с. 472].

Сегодня на самом высоком уровне государственной власти говорят о необходимости становления правовой культуры, формирования правового сознания, строительства правового государства. Для достижения этих задач необходимо прежде всего понять суть указанных явлений, механизм их формирования и развития. По нашему убеждению, обращение к отечественному интеллектуальному философско-правовому наследию может активно способствовать решению этих задач, позволив адекватно понять специфику современного правового бытия России, без чего невозможно возрождение сильной государственности и национального правосознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Альбов А. П.* Нравственно-правовые проблемы в русской и немецкой философии права (Теоретико-правовой анализ) / Автореф. ... докт. юрид. наук. СПб., 1999. 48 с.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.
3. *Бердяев Н.А.* Русская идея // Вопросы философии, 1990. № 2. С. 87-154.
4. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990. 346 с.
5. *Валицкий А.* Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века // Вопросы философии, 1991. № 8. С. 25-40.
6. *Емельянов Б.В.* Русская философия права: История становления и развития. Екатеринбург, 2005. 148 с.
7. *Жуков В.Н.* Русская философия права: естественно-правовая школа первой половины XX века. М., 2001. 237 с.
8. *Иконникова Г.И., Ляшенко В.П.* Основы философии права. М., 2001. 304 с.
9. *Кистяковский Б.А.* Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии, 1990. С. 141-159.
10. *Коркунов Н.М.* История философии права. СПб., 1908. С. 233.
11. *Корольков А.К.* Одухотворенная наука о праве // Русская философия права. Антология. СПб., 1999. 456 с.
12. *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. 559 с.
13. *Мачкарин О.Д.* Русско-немецкий философский диалог // Вестник МГТУ, 2000. № 3. Т. 3. С. 413-430.
14. *Новгородцев П.И.* Идея права в философии Вл. С. Соловьева, 1901. С. 28-35.
15. *Осипов И.Д.* Философия права. СПб., 2000. 61 с.
16. *Хомяков А.С.* О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988. 461 с.
17. *Шамиурин В.И.* Человек и государство в русской философии естественного права // Вопросы философии, 1990. № 6. С. 132-140.
18. *Шершеневич Г.Ф.* История философия права. Изд. 2-е. СПб., 1907. 589 с.

RESUME

Boris Vladimirovich Emelyanov, Doctor of philosophy, full professor, Honorable Professor, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 350-59-20, emeljan@r66.ru

Andrey Alexandrovich Litzuk, Candidate of philosophy, associate professor, Nizhnevartovsk State Humanitarian University. Nizhnevartovsk.

Vasily Matveevich Rusakov, Doctor of philosophy, head of department of philosophy, Institute of International Relations. Ekaterinburg, (343) 269-4244, dipi@nm.ru

Russian Philosophy of Law: Formation, Relationship, Character

The article describes the stages of development of Russian philosophy of law and makes distinction between “Russian Philosophy of Law” and “Philosophy of Law in Russia”. The authors demonstrate the value of those concepts for the rise of legal consciousness in Russian society.

History of philosophy, history of Russian social thought, Russian philosophy, philosophy of law, legal consciousness, law and morality.

Материал поступил в редколлегию 31.03.2008 г.